

Родионова Валентина Ивановна

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ПРОЦЕССАХ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Автор анализирует изменение целеполагания, которое приводит к преобразованиям в системе институциональных и ценностных устройств общества. В статье исследуется индивидуальное целеполагание, оно зависит от внешних социальных структур и не формируется индивидом самостоятельно. Последствием этого является социальное и культурное отчуждение. Особое внимание автор уделяет изменению целей и ценностей социального действия в процессе преодоления нормы и повышения уровня рациональности и технологичности социальной реальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 176-179. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 87.6

Автор анализирует изменение целеполагания, которое приводит к преобразованиям в системе институциональных и ценностных устройств общества. В статье исследуется индивидуальное целеполагание, оно зависит от внешних социальных структур и не формируется индивидом самостоятельно. Последствием этого является социальное и культурное отчуждение. Особое внимание автор уделяет изменению целей и ценностей социального действия в процессе преодоления нормы и повышения уровня рациональности и технологичности социальной реальности.

Ключевые слова и фразы: целеполагание; социальная рациональность; технологизация; социальная философия; социальные практики; социальные изменения.

Валентина Ивановна Родионова, к. филос. н., доцент

Кафедра философии и истории

Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

rodionova.disser@mail.ru

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ПРОЦЕССАХ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА[®]

Современная социальная философия направляет свой познавательный интерес на процессы изменения целеполагания в контексте социальных практик. Время, в которое мы живем — это время динамичных перемен в обществе, а, следовательно, и в формах целерационального поведения, что наиболее ярко можно проследить в социальных процессах их технологизации. В жизни современного общества появляется новая логика социальных изменений, которая не порвала связи с классическими представлениями о рациональном в экономике, где они характеризовались четким порядком действия и цели. Для настоящего периода жизни общества «характерны следующие особенности: гибкая организация труда, изменения в моделях рациональности, тесная связь между глобализацией и индивидуализацией. ..., распространение культурного неолиберализма» [2, с. 8]. Технологизация, как качественное расширение рационализации, изменяет целеполагание в системе социальной деятельности, оно теряет рациональный, четко осознаваемый смысл для субъекта деятельности, а достижение цели иногда подменяется длительными периодами движения к ней. Эпифеноменами измененного целеполагания являются меняющиеся нормы, мотивы, ценности, расширяющийся спектр видов социальной деятельности. Технологизация способствует появлению социальных практик прагматизма и дегуманизации, что трансформирует структуру социального опыта и наполняет его разнообразием социальных практик. Поэтому, цель данной статьи - рассмотреть и выявить, какие изменения претерпевает процесс целеполагания для индивида, живущего в современном обществе в системе тотальной технологизации. Итак, технологизация социальных практик, имеющая в своей основе рационализированную часть, включает базовую составляющую – процедуру целеполагания. «Целеполагание – процесс формирования и выдвижения целей индивидуальным или совокупным субъектом, который начинается на уровне потребностей, переходит уровень мотивов и определяется в цели» [7, с. 601]. В системе деятельности индивид воспроизводит в социальных практиках процедуру целеполагания, основания которого общество предоставляет ему в виде знаний, умений и социального опыта. Социальное выступает базисом, на котором развивается культура, это позволяет индивиду осмысленно действовать и понимать социальные действия других. Изменения в обществе сопровождаются трансформацией основных социальных институтов, интенсификацией социальных изменений, что приводит к ситуации истощения ресурса повседневных социальных практик и к критическому отношению к традиционным нормам, проявлению так называемых аномалий. Аномалии могут быть вызваны социальными патологиями и приводят к появлению новых норм и явлений социальной жизни. Последние два десятилетия жизни общества характеризуются появлением исследований новых феноменальностей, обнаруживающихся в различных сферах жизни общества, в науке, технологиях, культуре, экономике, сервисе и других. Изменение целеполагания связано с трансформацией социального и культурного и наполнением новым содержанием целей и ценностей, «ценности - это тоже вид целей, но их отличие от всех иных целей в том, что они, будучи взяты в качестве целей, безусловны и самодостаточны. К ним стремятся ради них самих, тогда как все остальные цели выступают лишь в качестве средства» [8, с. 165]. Социальные практики в системе целеполагания связаны одновременно со стратегиями объективного принуждения, исходящего от социальных структур, и с процедурами субъективного усвоения цели. Тогда изменение социального влечет за собой трансформацию культурных образцов и ценностей индивида. У индивида меняются представления о мире социального, культурных универсалиях, происходит трансформация системы ценностей, что свидетельствует об изменении представлений о целях, преобразовании культурных форм деятельности и появлении новых социальных практик. Изменение целеполагания означает двойное преобразование в системе институциональных и ценностных устройств. В сознании индивида происходит изменение представлений о нормах, ценностях, легитимности, привычности новых ценностных порядков и видов деятельности. Цели деятельности входят в систему субъективного целеполагания и могут интерпретироваться самим индивидом. В свою очередь, социальные структуры и институты стали влиять на понимание

целей и результатов деятельности в позитивном смысле. Технологизация связана с рационализацией как процессом привнесения рационального начала в деятельность индивида. Мы исходим из того, что первоначально рациональность связывалась с целесообразностью в тех сферах, где она была крайне необходима, а ее применение было очевидно и прозрачно, подтверждение этому – сфера экономики и науки. Такая установка служила не только экономическим, но и социально-культурным целям. Современные исследователи ограничивают рациональность рамками утилитарности, она «тогда лишь идентификация действия под данным описанием. Так, описание какого-либо действия, основанного на предварительных убеждениях и желаниях агента, не является его объяснением, но лишь позволяет его рационализировать. Потому замена одного описания действия другим может изменить значение истинности первоначального высказывания и заставить усомниться в рациональности самого действия» [1, с. 27]. Рациональность появилась с развитием науки, в ней произошла абсолютизация рациональности с предикатом «научная». Долгое время такой предикат рациональности как «социальный» считался неверным или надуманным, однако распространение этого понятия на социальную сферу привело в терминологию социальных наук понятие «социальная рациональность». Под социальной рациональностью мы понимаем экспансию рациональных социальных структур, в ходе которой происходит следующее: во-первых, исчезают непосредственные взаимоотношения между людьми, их заменяют технологии, широкие по своему разнообразию, дарящие «суррогат» общения – это информационные, рекламные, маркетинговые и другие технологии. Во-вторых, социальная реальность разделяется на две части: ту, где социальные практики, организованные сферами общественной структуры, превращают социального субъекта в пассивного соучастника социальных актов, и ту, которая содержит сферы общественной жизни, не касающиеся непосредственно жизни человека (к таким сферам можно отнести науку, искусство и другие), но оказывающие латентно-принудительное влияние на социальные практики индивидов, тем самым искажая их целеполагание. Социальные практики в условиях технологизации представлены в широком разнообразии, что частично объясняется дальнейшим разделением труда, развитием научного и технического прогресса, расширением контекстов и сфер деятельности, а также и тем, что общество сформировало стремление индивида следовать за модными и престижными практиками потребления и новыми видами обслуживания. Поэтому для исследователей, изучающих новые проблемы социальной философии, становится понятным, что «социальная теория оставляет за рациональностью сферу неявных деятельностных установок, в силу которых индивид вообще решается на какое-либо действие, так как чувствует себя способным на него и видит в нем смысл» [Там же, с. 26]. Престижность и удовлетворительность выступают новым критерием социальной рациональности, она трактуется «как интегральная характеристика человеческой деятельности. Деятельность перестает иметь устойчивое содержание и в разных условиях всегда предстает чем-то иным, легко перемещаясь из одной сферы в другую, ничего при этом не теряя, но лишь обогащаясь» [Там же, с. 26-27]. Все это в современном обществе спровоцировало диссонанс социального и культурного и привело к изменению и обновлению социальных и культурных норм. Индивид, как субъект социальных практик, утрачивает на сегодняшний день четкие представления о целях и средствах социальной деятельности, у него происходит искажение реальности в представлениях и образах, он акцентирует социальное действие на процессе деятельности вместо цели. Источником изменения социальных практик является аномия, как пишет Р. Мертон, она появляется в результате несоответствия целей и институциональных затруднений индивидов в достижении целей. По Р. Мертону, аномия наступает в условиях конфликта между культурой и социальной структурой. Аномия отражает социальную ситуацию неуспешности достижения указанными средствами целей социальной структурой, тогда, по мнению исследователя, наступает период использования нелегитимных средств, социальные институты обнаруживают свои дисфункции, наступает конфликт между социальными целями и средствами их достижения. Перед индивидом ставится задача выбрать реакцию на воздействие аномии: первая – это конформизм, вторая – инновация, третья реакция – ритуализм, четвертая реакция концентрируется в ретраитизме, пятая реакция – мятеж. Все реакции находят свою «нишу» в жизни общества, поддерживают его динамику. Рассматривая реакцию инновации применительно к социальным практикам как нечто новое по сравнению с устоявшимися формами целеполагания, Р. Мертон пишет: «эта форма приспособления вызывается значительным культурным акцентированием цели-успеха и заключается в использовании институционально запрещаемых, но часто бывающих эффективными средств достижения богатства и власти, или хотя бы их подобия. Такая реакция возникает, когда индивид ассимилировал акцентирование цели без равнозначного усвоения институциональных норм, регулирующих пути и средства ее достижения» [6, с. 105]. По мысли Р. Мертона, индивид в социуме реализует свои сущностные силы, а общество, находящееся в состоянии нормы, способствует совпадению его существования и сущности. Отсутствие такого совпадения может выступить источником отчуждения и реификации, что и вызывает изменение в системе целеполагания. Исследователь продолжает развивать идею аномального социального развития, рассматривая человеческую среду обитания, он определяет ее, с одной стороны, как общественную, с другой стороны – как культурную. Социальная структура обуславливает комплекс социальных отношений, которые влияют на социальное действие и на социальные практики. Р. Мертон указывает, что не следует сосредотачивать внимание только на функциональности и динамике социального явления в социальной действительности, где каждый элемент социальной действительности может показывать как функцию, так и дисфункцию, а также быть источником стабильности и основой социальных перемен. В XX веке Р. Дубин расширяет теорию Р. Мертона, он противопоставляет нормы, продуцированные социальными институтами, и действительное поведение индивидов, отмечает рассогласование, наступающее между целями внешних социальных структур и субъективными целями индивидов. Р. Маккайвер, наследник концепции аномии Э. Дюркгейма, развивает

точку зрения о том, что социальная anomия - это больше состояние сознания, он считает, что anomичный индивид скептически относится к ценностям других. Исследователь пишет, что в обществе капитализма наблюдается конфликт культур, экономическая конкуренция, быстрый рост социальных изменений. Подчеркнем, что у данного исследователя анализ anomии больше связан с субъективными трактовками целеполагания. Индивиды anomичны, по Р. Маккайверу, так как их жизнь становится бесцельной в условиях ценностного кризиса, теряется субъективный смысл целеполагания. Процесс социализации индивида усложняется, исчезает его однородность, изменяется направленность преемственности социального опыта. В условиях изоляции индивидов от прежних значимых ценностей anomия может быть рассмотрена как «положительное» продолжение нормы, которое не нарушает технологичности, а наполняет новым содержанием представление о целесообразности социального действия. Таким образом, anomия связана с изменением вектора социального развития в контексте технологизации социальных практик, влечет за собой трансформацию целей, ценностей и мотивов социального действия. Базовые идеи в этом вопросе разработал еще в начале прошлого века М. Вебер. Он писал, что некоторые сферы социального могут выступить источником нехарактерного целеполагания, так, в работах «Протестантская этика и дух капитализма», ««Объективность» социально-научного и социально-политического познания» и других он предложил проанализировать культурные и духовные детерминанты процедуры целеполагания. М. Вебер утверждает, что именно в позднем средневековом обществе появляются в лоне религиозной веры рациональные основания повседневной жизни, формируется процедура целеполагания, и этому способствует протестантская этика. Именно в ней появляется идея богоугодности – это постижение веры через успех в деле и труде. Религиозная сфера выступила источником целеполагания в экономической сфере. Происходит перенос социальных практик из религиозной сферы в светскую. Нормы такого общества влияют на целеполагание индивида, его социальные действия ограничены «железной клеткой рационализма». Индивид меняет «имманентность его индивидуального целеполагания на тотальную интеграцию с целеполаганиями общественными, нивелирующими саму личность человека. Субъект отчужден от своих способностей, совокупность которых разрушается экономическими особенностями периода и калькуляцией» [3, с. 68].

Во второй половине XX века Д. Белл, изучая проблему изменения целеполагания, пришел к выводу о том, что его источником является несинхронное развитие сфер общества. Д. Белл исследовал социальную структуру индустриального общества с позиций принципа «функциональной рациональности» и считал, что индивид должен эффективно и целесообразно использовать продукты и процессы. Исследователь предполагал, что все сферы общества не могут развиваться одновременно и показывал приоритетность целеполагательных задач в экономике, политике, культуре. По мнению ряда авторов (например, В. Иноземцев), Д. Белл преодолевает холистический подход, разделяет социальное бытие на различные сферы и показывает, как идут изменения. На его взгляды более позднего периода влияние оказали И. Хоуи, И. Кристал, Л. Триллинг и Н. Глейзер, С. Хук.

Г. Зиммель, размышляя о целеполагании, пишет, что в современном обществе произошел разрыв между целями и средствами в социальной деятельности, что символизирует противоречивость в соотношении субъективного и объективного. Автор указывает на опасности, которые подстерегают высокоразвитые общества: «вся сфера жизни покрыта максимумом надстроенных друг над другом средств. Возвышение ряда таких средств до конечных целей делает это положение психологически невыносимым, новое состояние действительности придает ему еще большую бессмысленность» [4, с. 495-496]. У индивида формируется инфантилизм сознания, неспособность осмысливать целесообразность социальных практик, его деятельность лишается субъективного выбора и творчества. Система культурных средств современного общества разрастается, поэтому деятельность индивида уже привычно воспринимается в контексте манипулирования социальными действиями, в результате чего происходит отчуждение индивида от целей, появляются социальные роли, это - потребитель, клиент, менеджер и другие, они актуализируют процессуальность в социуме, в процессе их исполнения средства превращаются в цели, а индивид перестает понимать логику социального действия. Целеполагание на сегодняшний день претерпевает значительные изменения, они происходят в самом содержании целеполагания, что сопровождается трансформацией ценностных оснований мотивов деятельности. Исследователи находят в процедуре целеполагания субъективные элементы, они соотносятся с опытом, действиями, мотивами и ценностями индивида. Объективные элементы, в свою очередь, связаны с формированием содержания целеполагания со стороны социальных институтов, обладающих определенной степенью принуждения, исследователи пишут о духовной несвободе индивида в современном обществе в условиях изменения целеполагания в процессе технологизации: «чем более рациональными становятся “внешние” социальные структуры, тем более иррациональной становится человеческая духовность...» [5, с. 33]. В этом случае становится понятным заявленный нами тезис об изменении целеполагания, чему, на наш взгляд, способствует и духовное отчуждение индивида от целей и интенций социальных институтов. Отечественный исследователь А. В. Матецкая пишет, что состояние дел, которое «сложилось в культурном поле модерна, благодаря искусственному рассечению рационального и иррационального аспектов человеческого существования, которое стало одним из проявлений дифференциации культуры, привело к утрате культурной целостности, и это, во многом, результат секуляризации. Феномен духовности далек от однородности...» [Там же, с. 34]. Означенный разрыв отразился на разнообразии социальных практик, на их диверсификации в сфере духовной и материальной деятельности индивидов, на гетерономности социальных практик и изменении мотивов, ценностей и целеполагания как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Думается, что появление разнообразия социальных практик представляет собой социальное изменение, достаточное обширное, которое включает и anomию, она может стать новой социальной нормой и фиксироваться в сознании индивида как норма его социальных действий.

С течением времени социальные практики эволюционируют и получают новый вектор развития – технологизацию, которая понимается как процесс, включающий в себя процедуру целеполагания – важнейшую в человеческой деятельности, в классическом смысле направленную на осознанный результат. Социальные практики в условиях технологизации характеризуются одновременно привлекательным и принудительным характером, этому способствуют различные агенты социализации (СМИ, реклама, мода, сервис и другие). Такие практики становятся очень удобными для структур объективного порядка, социальных институтов и социальных систем. В этом состоит властная сила, идеология принуждения, которая удобна общественным структурам и социальным институтам для управления социальными практиками индивида. Эта ситуация обнаружена и изучается современными исследователями социального, в частности, сервисологами, маркетологами, менеджерами, чей коммерческий успех напрямую зависит от умело поданных и сконструированных технологий, созданных для манипуляций образами сознания и социальными действиями индивида в определенной сфере.

Итак, в XX веке социальная философия обнаружила насущную необходимость дальнейшего исследования социальных изменений. Рефлексия социального отразила тот факт, что в социальной реальности проявлено широкое разнообразие как положительных, так и отрицательных изменений, в том числе, и патологий, которые нужно учитывать и исследовать для разработки стратегий жизни общества.

Подведем итоги нашей работы.

Во-первых, мы определили, что целеполагание – это важнейшее свойство человека как рационального существа. Человек, будучи наделен разумом, способен объяснять происходящее, прогнозировать будущее и ориентировать собственные действия в соответствии с прогнозами. Эта схема применима и к коллективному целеполаганию.

Во-вторых, рассмотрев изменения целеполагания в условиях технологизации, отметили, что целеполагание выступает как сложный процесс, связанный с социальными изменениями. С одной стороны, каждый индивид дает свою интерпретацию процесса целеполагания в контексте социальной деятельности, а с другой – социальные институты и механизмы в условиях технологизации создают ситуацию манипулирования и воздействия на индивида за счет вовлечения его в социальные практики, изменяющие целеполагание.

В-третьих, целеполагание в условиях технологизации социальных практик подвержено изменениям, становится многоуровневым, сложным по структуре элементом человеческой деятельности. Важную роль здесь играет коррекция целей, ценностей и мотивов как составляющих социальной деятельности.

В-четвертых, благодаря индивидуальному целеполаганию, индивид в ходе социализации присваивает новые социальные установки и мотивирует, таким образом, свою индивидуальную активность. Однако субъективное целеполагание не всегда является самостоятельным результатом решения индивида. Эпифеноменами изменения целеполагания являются социальное и культурное отчуждение смыслов, реификация и инфантилизм сознания индивида.

Список литературы

1. **Агафонова Е. В.** Концепт «ограниченной рациональности» в экономике и социальной философии (или о междисциплинарной интегральности концепта рациональности) // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2008. № 3. С. 21-27.
2. **Бек У., Лау Кр.** Вторая модерность как перспектива исследования: «метаизменения» современного общества // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. М., 2006. № 4. С. 5-11.
3. **Давлетшин З. К.** Целеполагание субъекта в социальной теории индустриального и постиндустриального общества: дисс. ... к. филос. н. Казань, 2008. 147 с.
4. **Зиммель Г.** Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное: в 2-х т. М., 1996. Т. 1. 670 с.
5. **Матецкая А. В.** Альтернативная духовность как феномен современности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 1. С. 33-35.
6. **Мертон Р. К.** Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 104-114.
7. **Осипов Г. В.** Целеполагание // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. М.: Издательская группа «НОРМА – ИНФРА-М», 1998. 672 с.
8. **Ступкина А. В.** Идеалы и интересы в диалектике культурных изменений // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 54. С. 161-166.

GOAL-SETTING IN MODERN SOCIETY TECHNIFICATION PROCESSES

Valentina Ivanovna Rodionova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and History
South-Russian State University of Economics and Service
rodionova.disser@mail.ru

The author analyzes goal-setting changing, which leads to society institutional and value organization system transformation, studies individual goal-setting, which depends on external social structures and is not formed by an individual himself, mentions that its consequence is social and cultural alienation and pays special attention to the changes of social action goals and values in the process of standards overcoming and improving social reality rationality and technology level.

Key words and phrases: goal-setting; social rationality; technification; social philosophy; social practices; social changes.